

Глава 26. Жареные яйца (часть 3)

—

— Я все выслушал, ничего страшного. Сяо Хэ обо всем знает и сама понимает, что к чему, а Цао-гэр немного напуган и хотел было сам вернуться пешком, — Цзи Жунся слегка успокоился.

— Теперь у тебя душа на месте? — спросил Гу Танцзинь.

Цзи Жунся кивнул:

— На месте.

Он вытащил из корзины юаньсяо, придвинулся к Гу Танцзиню и тихо сказал:

— Давай копить побольше денег и поскорее купим землю!

Гу Танцзинь подбросил в топку немного дров. Он знал, что Ся-гэр все еще немного сердится. Семья Цянь посмела завести речи о том, чтобы прислать ребенка учиться ремеслу, не только из-за беременности Чэн-гэра — подобные дела не решаются за один-два дня. Стоило Чэн-гэру один раз съездить к ним, и они уже обо всем договорились? Скорее всего, такие мысли у них зрели давно. Проще говоря, они ведь просто кичились тем, что у них и народу в семье много, и земли в достатке?

— Жаль только, что родители гэ-фулана — старшие в роду. Даже если семья Цянь разделит семейное имущество, дед с бабкой все равно останутся жить со старшим сыном, эх, — вздохнул Цзи Жунся. — Я в будущем уж точно не стану никого выделять, буду одинаково хорошо учить собственных детей!

Гу Танцзинь едва сдержал смех:

— Мы ещё даже не близки к этому, к тому же в последнее время мы слишком устаем. Я не хочу, чтобы ты забеременел так рано.

— И то правда, в последнее время пришлось тяжело. Пожалуй, лучше еще подождать, — мысли Цзи Жунся то и дело сменяли одна другую, он мог сказать что-то и тут же выбросить из головы, не принимая всерьез.

Вскоре юаньсяо уже сварились, и Цзи Жунся также подогрел лепешки.

— Эй, вы двое, хватит на солнышке греться, сидите как неприкаянные. А ну-ка идите есть юаньсяо! — стоило Цзи Жунся выйти во двор, как он увидел, что дети все так же послушно стерегут разложенные одеяла. Не знающий человек подумал бы, что эти одеяла в их доме — величайшая драгоценность.

Сяо Хэ и Цао-гэр при этих словах слегка опешили, не смея поверить, что Цзи Жунся зовет именно их.

— Цао-гэр, Сяо Хэ, идите сюда, помогите отнести чаши и палочки, — Гу Танцзинь вышел следом, неся в руках поднос, и терпеливо обратился к ним: — Возьмите четыре чаши, четыре пары палочек и четыре ложки.

Услышав, что для них нашлось дело, Сяо Хэ и Цао-гэр тут же оживились.

Они бережно взяли чаши, палочки и ложки и пошли вслед за Гу Танцзином и Цзи Жунся в главный зал.

— Садитесь. Вы ведь еще не ели, верно? Сперва наешьтеесь досыта, а обо всем остальном после поговорим, — Цзи Жунся протянул Сяо Хэ и Цао-гэру по одному дяочжабину.

Хун Юэлянь зачерпнула из большой чаши несколько юаньсяо и переложила их в маленькие миски:

— Ешьте, ешьте.

Чаша Цянь Сюэчэна была самой полной — туда она положила добрый десяток юаньсяо, остальным же трем досталось всего по три штуки и по две ложки сладкого отвара.

Цао-гэр не решался сесть за стол и стоял у края табурета, низко опустив голову.

Цзи Жунся, усевшись со скрещенными ногами на кан, с улыбкой проговорил:

— Раз уж ты сумел в одиночку сюда добраться, то чего теперь робеешь перед едой? Садись и ешь.

Только тогда Цао-гэр решился присесть. По его молчаливому и робкому виду ни за что нельзя было сказать, что этот ребенок отважился проделать такой долгий путь.

Юаньсяо были сладкими, ароматными и нежными.

Цао-гэр откусил всего кусочек и замер, не смея есть дальше.

Это было слишком, невероятно вкусно!

Цянь Сюэчэн протянул руку, ласково взъерошил его сухие волосы и успокоил:

— Ешь.

Только тогда Цао-гэр принялся потихоньку есть юаньсяо. Лепешка была ароматной и острой, к тому же внутри оказалось мясо. От такой еды у Цао-гэра на глаза навернулись слезы.

Он вовсе не хотел плакать, но это было так вкусно, что он просто не мог сдержаться!

Сяо Хэ съела всего два шарика, а последний хотела тайком оставить для Цао-гэра. Но тот это заметил: доев свою лепешку, он поспешно объявил, что уже сыт. Только после этого Сяо Хэ молча доела оставшийся в ее миске шарик.

Глядя на них, Цзи Жунся лишь тихо вздохнул — теперь понятно, почему Цао-гэр пустился в путь вслед за Сяо Хэ.

— Давайте так договоримся: вы будете работать в доме Цзи, и каждый месяц я стану выплачивать вам по пятьдесят вэней, вы уж не обижайтесь, что мало, — наевшись и напившись, Хун Юэлянь окончательно сменила гнев на милость. Она подозвала к себе Цао-гэра и Сяо Хэ и принялась обстоятельно разъяснять: — Если со временем удастся подыскать для вас хорошую партию, тетушка обязательно возьмет эти хлопоты на себя. Одно лишь условие: в доме вести себя смиренно, усердно трудиться и жить дружно. Мы люди простые, так что незачем затевать всякий вздор.

— Тетушка, сил у меня много, я обязательно буду работать на совесть, — поспешно заверил Цао-гэр.

Сяо Хэ тоже добавила:

— А я умею вышивать платки и ткать полотно!

— Вот и славно. Когда Чэн-гэр выходил замуж, я попросила вашего старшего дядю смастерить ткацкий станок, он как раз стоит без дела, так что теперь Сяо Хэ станет ткать да вышивать, а Цао-гэр будет помогать мне по хозяйству, — Хун Юэлянь не стала больше тратить время на пустые приличия и распределила обязанности напрямую.

Когда им вот так дали конкретную работу, Цао-гэр и Сяо Хэ, напротив, вздохнули с облегчением.

Пока они вели этот разговор, Цзи Жунся услышал стук в ворота. Он тут же увлек Гу Танцзиня за собой, чтобы отпереть дверь.

Едва открыв калитку, Цзи Жунся увидел, что отец со старшим братом катят обратно телегу-тачку, на которой громоздились шесть холщовых мешков.

— Ох ты батюшки, да неужто поговаривают, будто вы собираетесь кормить и растить детей для семьи Цянь? — донесся до них голос старого Ван-фулана.

Цзи Жунся глянул на улицу: старый Ван-фулан восседал у дверей дома семьи Чжан, и по всему его виду было ясно, что он так и ждет возможности поглазеть на их позор.

Стоило ему подать голос, как тетушка Чжао и старый Чэн-фулан тоже не удержались и принялись коситься на дом Цзи.

— Что за вздор вы городите? Мой гэ-фулан понес дитя, вот и позвал младшую сестру и брата из родного дома помочь да присмотреть за хозяйством. Что, неужто у семьи Чжан нет родни, которая могла бы прийти на выручку? Или вы об этом и ведать не ведали?! — Цзи Жунся сперва жестом велел отцу и брату заходить во двор, а сам шагнул за порог и, скрестив руки на груди, громко ответил.

Старый Ван-фулан так и поперхнулся. Надо же, этот глухой оказался столь остер на язык — любое худое дело горазд выставить в добром свете!

— Хм, как бы не вышло так, что эти приемыши окажутся неблагодарными волчатами. Перенимут ваше ремесло, да и сбегут!

— Плотницкое мастерство нашей семьи высоко ценится, его одним только взглядом не переймешь. Неужто у семьи Чжан лакировочное дело настолько простое, что достаточно разок поглядеть — и уже всему научился? Ну, тогда грош цена такому ремеслу, неудивительно, что у вас и заказов-то нет! То-то вы все просили нашу семью поделиться с вами работой! — с видом внезапного озарения выдал Цзи Жунся.

— Ты! Что за чушь ты несешь?! Наше мастерство повыше твоего будет! Сейчас ты складно поешь, глухой, но гляди, как бы плакать потом не пришлось! Видать, небо-то все видит, раз наказал тебя глухотой, поделом тебе! — старый Ван-фулан от злости аж затрясся всем телом и принялся тыкать в Цзи Жунся пальцем, осыпая его бранью.

Цзи Жунся неторопливо парировал:

— Неблагодарный человек во всяком видит неблагодарность! Для навозного жука и весь мир — навозная куча!

— Ты на кого это намекаешь? — старый Ван-фулан сердито вытарашил свои и без того узкие клиновидные глаза.

— Кто сам вызвался отвечать, на того и намекаю! — насмешливо отозвался Цзи Жунся. — Старик, который никогда не учится на своих ошибках. Я ведь предупреждал: если еще раз ко мне полезешь, мы с моим мужем отправимся напрямик к стенам академии и раструбим о твоём внуке на весь уезд. Один раз — случайность, два — совпадение, а на третий я спуску не дам, я все твои обиды на счету держу. Если ты еще будешь меня беспокоить — я тебя не прощу!

Старый Ван-фулан тут же прикусил язык и боязливо втянул голову в плечи. Он ведь просто увидел, что соседи сбежались поглазеть на суматоху в доме семьи Цзи, вот и решил пристроиться за чужими спинами, напрочь позабыв об угрозах Цзи Жунся.

Цзи Жунся обвел взглядом окрестности: все, кто высунулся из своих домов ради досужего любопытства, тут же поспешили отвести глаза. Ся-гэр ругался, даже не прибегая к брани, так что связываться с ним никому не хотелось.

Увлекая за собой стоявшего позади для поддержки Гу Танцзиня, Цзи Жунся вернулся во двор и с громким стуком захлопнул калитку.

— Ся-гэр тоже такой грозный! Прямо как тетушка Хун. Цао-гэр, нам с тобой в будущем тоже надо стать такими же, как тетушка Хун и Ся-гэр, — Сяо Хэ сжала кулачки, ее маленькое личико покраснелось от волнения и восторга.

Цао-гэр веско и твердо кивнул:

— Угу!

— Я же вам говорил — не бойтесь, ваш Ся-гэр никого из уличных сплетников не боится, — Цянь Сюэчэн как раз увидел, что дети заволновались, услышав стук в ворота, вот и вывел их во двор посмотреть.

Тем временем Хун Юэлянь всю помогала отцу Цзи и Цзи Жунху сгружать привезенное зерно.

— Договорились так: за год на каждого они дают по одному небольшому мешку проса и по два больших мешка неочищенной пшеницы, — честно доложил плотник Цзи.

— Ну, сойдет. В их доме обошлось без новой ссоры? — спросила Хун Юэлянь.

— Шум они подняли знатный, но мы с отцом просто уселись посреди двора и не обращали внимания на их крики. Знай себе требовали зерно: мол, пока не отдадите — не уйдем. Дед с бабкой из семьи Цянь побоялись, что односельчане станут сплетничать и смеяться, вот и согласились на наши условия, — Цзи Жунху ухмыльнулся, рассказывая об этом.

Несмотря на всю свою простоту и добродушие, порой он тоже бывал не обделен житейской хитростью.

— Отлично, старший брат, здорово сработано, — Цзи Жунся протянул руку и дружески похлопал старшего брата по крепкому плечу.

Цзи Жунху расплылся в еще более широкой улыбке.

Видя, что все уладилось, Цзи Жунся и Гу Танцзинь со спокойной душой засобирались в обратный путь.

По дороге они шли рука об руку, и Цзи Жунся вдруг спохватился:

— Ах! Совсем забыл, что нам нужно поторапливаться — сегодня ведь мой первый день у плиты, а я даже отцу с братом об этом словом не обмолвился.

— Не переживай, матушка и гэ-фулан сами обо всем расскажут отцу. Сперва заглянем в зерновую лавку, купим немного клейкого риса, а уж потом вернемся, времени еще предостаточно, — Гу Танцзинь ласково погладил большим пальцем ложбинку на ладони Цзи Жунся, успокаивая его, и тот мигом перестал суетиться.

Сперва они зашли в лавку и купили небольшой мешочек клейкого риса.

— В зерновой лавке клейкий рис все-таки слишком дорогой, — Цзи Жунся принялся подсчитывать расходы: один цзинь клейкого риса стоил целых двадцать вэней, за пять цзиней им пришлось выложить сто вэней. Чем дольше он считал, тем сильнее хмурилось его лицо.

Гу Танцзинь ласково потрепал Цзи Жунся по щеке:

— Ну хватит тебе хмуриться. Рестораны обычно закупают зерно напрямую у крестьян, а клейкий рис можно выменивать во время праздника Дуанью* и праздника Фонарей**, когда мы делаем цзунцзы и катаем юаньсяо. В этот раз мы просто купили немного, чтобы восполнить то, что потратили сами, мы ведь не собираемся покупать его постоянно.

[*Праздник Дуанью (端午, Duānwǔ jié), также известный как Фестиваль драконьих лодок, — один из четырех важнейших традиционных праздников Китая. Он отмечается 5-го числа 5-го месяца по лунному календарю. В этот день принято устраивать гонки на лодках, напоминающих драконов, и есть традиционное блюдо из клейкого риса с различными начинками, завернутое в листья тростника или бамбука — цзунцзы.]

**Праздник фонарей «Юаньсяоцзе» (元宵, Yuánxiāojié) — это традиционный китайский праздник, который отмечают в 15-й день первого лунного месяца. Это первое полнолуние нового года. Оно завершает двухнедельные новогодние торжества. Этот день символизирует воссоединение семьи и начало нового весеннего цикла. Люди украшают улицы и дома тысячами светящихся красных фонарей. Это символ удачи и отпугивания невзгод. Обязательное блюдо дня — юаньсяо (или танъюань).]

— Теперь-то я наконец понял, почему отец заставляет на Дуанью заворачивать цзунцзы, а зимой катать юаньсяо. Накопленный таким образом клейкий рис потом и есть не накладно, — с улыбкой заметил Цзи Жунся.

Гу Танцзинь согласился:

— Верно, не накладно, да только сил на это уходит уйма.

— Да разве можно заработать денег, не прикладывая сил? У меня их хоть отбавляй, я трудностей не боюсь, — отмахнулся Цзи Жунся.

— И все же нам нужно как можно скорее скопить денег и купить землю! — веско добавил он. — Чтобы в будущем наш ресторан готовил только из своего собственного зерна и муки.

— Угу, — кивнул Гу Танцзинь. Он подумал про себя, что за сегодняшний день Ся-гэр уже второй раз заводит разговор о покупке пашни. Похоже, выходка семьи Цянь и впрямь задела его за живое.

Когда они вернулись в ресторан, Яо Тяньлань и Гу Чуньцай уже вовсю готовились открывать двери для посетителей.

— Отец, матушка, в доме моих родителей кое-что случилось, оттого мы и припозднились, — увидев их, поспешно оправдался Цзи Жунся.

— Что случилось? — Гу Чуньцай отложил засов и с заботой во взгляде повернулся к ним.

— Ох, об этом так просто в двух словах не расскажешь, — Цзи Жунся постарался как можно короче пересказать все сегодняшние события.

Гу Танцзинь то и дело вставлял свои замечания с места.

Выслушав их, Яо Тяньлань с тревогой произнесла:

— А то, что эти двое детей останутся жить в вашем доме — точно обойдется без беды? Твой гэ-фулан ведь носит дитя, как бы чего не вышло.

Яо Тяньлань невольно вспомнила историю, как они сами когда-то взяли к себе на службу сына её второго брата в качестве ученика.

Вот уж воистину — пригрели змею на груди, чуть было не погубили Гу Танцзиня!

Гу Чуньцай тоже с легким беспокойством посмотрел на детей.

Гу Танцзинь и Цзи Жунся переглянулись. Не могли же они выдать, что тайком подслушали разговор детей с помощью системы и убедились в их добром нраве.

— Мой гэ-фулан сам вырастил этих двоих, так что он прекрасно знает их характер, — подумав, ответил Цзи Жунся.

— И то правда, твой гэ-фулан вырос вместе с ними, ему ли не знать. Эх, эта семья Цянь и впрямь оказалась совсем бессовестной. Ся-гэр, Танцзинь, вы уж почаще навещайте туда и приглядывайте за домом, — все еще сокрушалась Яо Тяньлань.

Сейчас она невольно ощутила некое подобие горького родства душ со своими сватами. Семья её второго брата ведь поступила точно так же: видя, что у них из детей один только Танцзинь, они спали и видели, как бы прибрать к рукам их ресторан. Ишь чего удумали, много захотели!

— Я понял, мама, — отозвался Гу Танцзинь.

Цзи Жунся тоже кивнул:

— Угу.

Гу Чуньцай скомандовал:

— Ладно, давайте сперва приберемся да станем открывать лавку для торговли.

Цзи Жунся воодушевленно направился на кухню. Гу Танцзинь с улыбкой последовал за ним; он помог Цзи Жунся отыскать чистый отрез ткани и аккуратно повязал его, убирая выбившиеся пряди волос.

— Спасибо, — Цзи Жунся поправил повязку на голове, проверяя, плотно ли она сидит, чтобы во время готовки ни один волосок случайно не упал в блюдо.

— Ну, тогда я пойду в зал, — Гу Танцзинь ободряюще похлопал его по плечу.

В последнее время все заботы на кухне делили между собой Гу Чуньцай и Цзи Жунся, в то время как Гу Танцзинь занимался счетами в зале и помогал Яо Тяньлань разносить блюда посетителям.

Цзи Жунся:

— Да-да, иди, ступай.

Когда Гу Танцзинь вышел, Цзи Жунся дочиста вымыл руки и глубоко вздохнул.

В глубине души он принялся истово молить: хоть бы кто-нибудь пришел и заказал жареные яйца!!!

—

<http://bllate.org/book/17885/1730694>